

А.М. Цалиев

О МЕСТЕ И РОЛИ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

А.М. Цалиев*

Аннотация. В статье рассматривается роль судов общей юрисдикции в предупреждении коррупционных преступлений. Критикуется необоснованная либерализация уголовного законодательства и практика его применения в наказаниях за коррупционные преступления. **Ключевые слова:** суды общей юрисдикции, наказания, коррупционные преступления, гуманизация уголовного законодательства, частное определение.

В механизме противодействия коррупции суды как органы государственной власти занимают ключевое место. Неслучайно в утвержденной Правительством РФ 27 декабря 2012 г. Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.» подчеркивается, что «одной из основополагающих задач развития судебной системы является борьба с коррупцией».

Суды общей юрисдикции уже на стадии предварительного расследования уголовного дела бывают задействованы в процесс противодействия коррупции, поскольку дают согласие следователю на взятие лица под стражу, продлевают срок следствия и содержания под стражей обвиняемых. Кроме того, при осуществлении правосудия только суды уполномочены выносить итоговое решение по разным правовым спорам. Если говорить о судах общей юрисдикции в контексте рассматриваемой темы, то именно им принадлежит право на привлечение к ответственности лиц, совершивших коррупционное правонарушение, и применение мер административного или уголовно-правового характера. Они наделены таким грозным оружием, как уголовное наказание. Однако в последние годы происходит умаление его роли, как в сфере законодательства, так и в правоприменительной практике. Так, если, согласно Уголовному кодексу РСФСР, *наказание является карой за совершенное преступление*, то, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, *наказание есть мера государственного принуждения*. Тем самым в общественном и профессиональном сознании с самого начала выхолащивается суть уголовного наказания как кары, то есть возмездия за совершенное преступление, применяемого судами от имени государства.

В России до 1996 г. смертная казнь за совершение тяжких преступлений была предусмотрена в 28 статьях УК РФ, а в настоящее время – в

пяти (умышленное убийство, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, геноцид). Произошло не только существенное сокращение преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь: Конституционный Суд РФ своим решением от 2 февраля 1999 г. приостановил ее исполнение, не принимая во внимание то, что любое наказание, не говоря уже о смертной казни, включает в себя функцию устрашения, имеющую важное предупредительное значение.

Исключение фактора устрашения из содержания наказания – идеалистическое видение сущности проблемы. Еще Сенека говорил, что преступник может иногда избежать наказания, но не страха перед ним. Об этом свидетельствуют сами осужденные. Так, 47 % из них характеризуют смертную казнь как фактор устрашения, оказывающий сдерживающее воздействие. Криминологические исследования американского ученого И. Эрлиха привели его к выводу о том, что каждая смертная казнь удерживает от преступления восемь потенциальных убийц, т. е. спасает как минимум еще восемь других жизней.

Против умаления роли уголовного наказания в борьбе с преступностью выступают известные отечественные ученые. Так, профессор А. Михлин указывал, что после введения смертной казни с начала 60-х годов наблюдалось стабильное снижение количества убийств. В СССР, где за многие особо тяжкие преступления была предусмотрена смертная казнь, состояние преступности было ниже, чем сегодня в Российской Федерации. Многочисленные исследования, проводимые в разные периоды, показывают также, что абсолютное большинство народа выступают за смертную казнь в случае совершения особо тяжких преступлений.

* Цалиев Александр Михайлович – председатель Конституционного суда Республики Северная Осетия-Алания, д. ю. н., профессор, заслуженный юрист РФ, член Президиума Совета судей РФ (Тел. (8672) 53-5832).

Наряду со сказанным снижено наказание за мошенничество, незаконную банковскую деятельность, легализацию денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, манипулирование ценами, коммерческий подкуп и др. По 118 составам преступлений исключен так называемый нижний предел наказания, по ряду составов преступлений в качестве основного наказания предусматривается штраф. За 2009–2013 годы изменены и дополнены санкции в 285-й статье Особенной части Уголовного Кодекса, и в большинстве своем в сторону смягчения. Еще раньше, в 2003 г., из Уголовного кодекса РФ был исключен такой вид наказания, как конфискация имущества (ст. 52). Из этого ряда уступок коррупции – введение в 2013 году кратных штрафов. Но тогда же, за первое полугодие 2013 г., из вынесенных судами штрафов, на сумму 20 млрд рублей, в казну государства были возвращены только 20 млн, т. е. 1 % [1]. Судебные приставы-исполнители были вынуждены обращаться в суды с требованием о замене штрафа лишением свободы в отношении каждого второго осужденного к штрафу за взяточничество. Председатель Верховного Суда России В. Лебедев подтвердил, что с 2012 г. судебные приставы обращались в вышестоящие суды с требованиями заменить штраф лишением свободы [2].

Частое и необоснованное применение штрафа за совершение коррупционных преступлений стало одной из причин принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.12.2013 № 33, в котором отмечается, что «при разрешении вопроса о том, какое наказание должно быть назначено осужденному, совершившему коррупционное преступление, в случае наличия в санкции статьи наказания в виде штрафа, суду необходимо обсудить возможность его исполнения. Назначая штраф, определяя его размер и решая вопрос о рассрочке его выплаты, необходимо учитывать не только тяжесть совершенного преступления, но и имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможность получения им заработной платы или иного дохода» (ч. 3 ст. 46 УК РФ).

Сложившееся положение с назначением наказания за коррупционные преступления в основе своей predeterminedено сверхлиберальной современной уголовной политикой и такой же тенденцией развития уголовного законодательства. В то же время Президент РФ В.В. Путин в приветственной телеграмме участникам 1-го Евразийского антикоррупционного форума, состоявшегося 30–31 мая 2012 г., подчеркнул, что для искоренения коррупции необходимо решение «ключевых задач»: внедрение жестких антикоррупционных стандартов в национальные законодательства и правоприменительную практику.

С учетом сказанного необходимо совершенствовать уголовное законодательство, в части криминализации наиболее опасных коррупционных деяний и усиления санкции за их совершение. Кроме того, следует поддержать известных ученых-юристов и практических работников, предлагающих вернуть в Уголовный кодекс Российской Федерации конфискацию имущества как вид наказания, а судам существенно расширить область ее применения. Тем более что данный вид наказания за коррупционные преступления оправдал себя не только в нашей истории, но и в зарубежных странах.

С целью усовершенствования системы наказания за коррупционные преступления в действующее уголовное законодательство в качестве основного и / или дополнительного наказания в литературе, на мой взгляд, правильно предлагается ввести лишение осужденного права:

1) выдвигать свою кандидатуру для избрания в органы государственной власти и местного самоуправления либо на иные избираемые государственные должности;

2) участвовать в конкурсах на замещение вакантных должностей в исполнительных органах государственной власти и местного самоуправления;

3) принимать участие в выборах представителя в законодательные (представительные) органы власти и местного самоуправления, в референдуме;

4) выступать в качестве доверенного лица кандидата на выборные государственные и муниципальные должности;

5) выступать в качестве общественного наблюдателя за избирательным процессом в органы законодательной (представительной) власти, за проведением референдума;

6) занимать должность члена избирательной комиссии либо комиссии по проведению референдума;

7) занимать должность члена конкурсной комиссии.

Кроме того, предлагается лишить осужденного пассивного избирательного права [3].

Законодательное оформление указанных предложений могли бы инициировать суды общей юрисдикции в лице Верховного Суда РФ, являющегося субъектом законодательной инициативы. Он бы мог также обобщить судебную практику и дать соответствующие указания судам общей юрисдикции о необходимости ужесточения наказания в отношении лиц, совершающих наиболее опасные коррупционные преступления. Специалисты отмечают, что судебная власть может эффективно воздействовать на коррупцию путем анализа практики применения судами уголовного законодательства об

ответственности за коррупционные преступления и дачи разъяснений по вопросам судебной практики по уголовным делам данной категории. О такой необходимости свидетельствует судебная практика. Первое, что здесь обращает на себя внимание, – это интенсивное использование «вилки» при назначении наказания. Так, за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 290 УК РФ – получение взятки (нередко с признаками организованного деяния), общие показатели назначаемого судом размера наказания (срока лишения свободы) виновному не превышают даже среднего значения так называемой вилки. В отношении преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 291 «Дача взятки», можно отметить, что наказание в виде лишения свободы в целом не распространено. Это при том, что «вилку» наказания в виде лишения свободы за это деяние (по существу – подкуп) образуют следующие сроки: за дачу взятки должностному лицу лично или через посредника (ч. 1 ст. 291 УК РФ) – лишение свободы на срок до трех лет; за дачу взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий (бездействие) (ч. 2 ст. 291 УК РФ) – лишение свободы на срок до восьми лет [4].

Следует также иметь в виду, что практика назначения наказаний за коррупционные преступления в целом пошла по пути все большего применения в качестве наказания условного осуждения или штрафа. Так, статистика Генеральной прокуратуры РФ свидетельствует, что к штрафу в качестве основного вида наказания за коррупционные преступления приговорен 51 % осужденных по данной категории дел. Статистические данные за 2014 год, подготовленные Судебным департаментом при ВС РФ, подтверждают данную тенденцию: из общего количества привлеченных к уголовной ответственности по составам коррупционной направленности (10 748 лиц) штраф в качестве основного наказания был назначен 6 370 осужденным. Более того, в отношении 1 369 лиц штраф был назначен и в качестве дополнительного наказания. Следовательно, штраф был применен в качестве основного или дополнительного наказания к более чем 72 % осужденных по коррупционным делам.

Суды также идут по пути широкого применения условного осуждения лиц, виновных в преступлениях коррупционной направленности. За последние три года удельный вес условного осуждения составляет до 30 % от общей совокупности всех избираемых судом видов уголовного наказания виновных.

Известно, что такой дополнительный вид уголовного наказания, как лишение права занимать определенную должность или заниматься

определенной деятельностью, для служащих-коррупционеров является поражением возможностей дальнейшей их служебной правоспособности. Однако в судебной практике по коррупционным делам широкое применение данного дополнительного вида уголовного наказания не отмечается – частота его применения в 2007–2009 гг. составила меньше 1 % [5]. И в последние годы по данному вопросу картина мало меняется.

Если в соответствии с общенациональными статистическими данными, подготовленными Генеральной прокуратурой РФ, количество зарегистрированных коррупционных преступлений постоянно растет, то количество лиц, осужденных по делам о коррупции (в сравнении с другими категориями дел), остается довольно невысоким. К уголовной ответственности по таким делам привлекается около 13 % обвиняемых от общего количества возбужденных дел.

Таким образом, происходит гуманизация не только уголовного законодательства за коррупционные преступления, но и практики назначения уголовного наказания за их совершение. Более того, абсолютному большинству коррупционеров удается уйти вообще от уголовной ответственности. Как видно, актуальной становится как неотвратимость наказания, так и ужесточение применения судами уголовного наказания в отношении лиц, совершающих коррупционные преступления. Прав член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, д. ю. н., профессор М. Журавлев, когда отмечает, что при всей важности правильной квалификации указанных преступлений вопросы наказания заслуживают не меньшего внимания, так как назначение наказания является тем итогом всей предварительной деятельности правоохранительных органов и судебного разбирательства, по которому общество судит о реальной политике государства в сфере противодействия коррупции [6].

Пока же так называемая наказательная политика, по его мнению, такова, что у большинства населения, по данным социологических исследований, складывается впечатление, что под статьи УК РФ об ответственности за взяточничество подпадают «мелкие рыбешки» – работники полиции, пожарные, врачи, преподаватели. А те, кто берет взятки или ворует миллионами или даже миллиардами, чаще всего остаются безнаказанными либо приговариваются к условному осуждению. Так, в 2009 г. в 10,5 % случаев суды выносили обвинительные приговоры по делам о взятках, сумма которых 500 руб.; 29 % – о взятках, составляющих от 500 до 3 тыс. руб.; 11 % дел – от 30 тыс. руб. до 150 тыс. руб.; 1,5 % – сумма взят-

ки превышала 1 млн руб. [7]. По данным статистики за 2011 г., у 83 % осужденных за взятки их размер составил до 50 тыс. руб., при этом 70 % осужденных за взятки было назначено наказание в виде лишения свободы условно, штрафа или иного наказания, не связанного с лишением свободы. В последние годы правоприменительная практика, осуществляемая судами, фактически не изменилась. И сейчас, когда в сферу правосудия попадают так называемые VIP-персоны, то, как правило, дело заканчивается информационным шумом. либо, в лучшем случае, минимальным наказанием в виде штрафа или условного осуждения. Достаточно вспомнить прогневившие в свое время уголовные дела в отношении бывшего министра обороны, его подруги Васильевой и ряда других высокопоставленных лиц. Не случайно большинство экспертов склоняются к мнению, что крен в законодательстве и практике его применения в сторону смягчения наказания за так называемую беловоротничковую преступность сделан в интересах высокопоставленных государственных и муниципальных чиновников и крупных собственников. И как тут возразить, если бывший председатель Комиссии Государственной Думы по проверке фактов участия должностных лиц в коррупционной деятельности А.Д. Куликов более 10 лет назад на одной из конференций рассказал о проверке этой комиссией коррупционных материалов на Президента РФ Б. Ельцина и членов его семьи, Председателя Правительства РФ В. Черномырдина, вице-преьера Правительства РФ Е. Гайдара, А. Чубайса, Б. Федорова, Б. Немцова, А. Лифшица, А. Коха, Н. Аксененко, министров П. Авена, О. Давыдова, А. Поченка, заместителей министров А. Вавилова, А. Кудрина, секретаря Совета безопасности РФ И. Рыбкина, исполнительного секретаря СНГ Б. Березовского, управляющего делами Президента РФ П. Бородин, заместителя Председателя Госкомимущества РФ П. Мостового и других высокопоставленных лиц [8]. Ни один из них не понес уголовной ответственности. Не случайно довольно много литературы в рамках антикоррупционной дискуссии посвящено вопросу учреждения специального независимого органа, имеющего специальный политический статус, который был бы в силах поставить вопрос о том, чтобы «замахнуться» на министра или другую высокую фигуру о привлечении к ответственности и довести дело до справедливого приговора, невзирая на лица, связи и политическую конъюнктуру [9].

Суды должны повести такую уголовную политику, чтобы при осуществлении правосудия каждый совершивший преступление понес со-

ответствующее тяжести содеянного наказание. К сожалению, случаев выборочного подхода к привлечению ответственности за коррупционные правонарушения достаточно много, и они свидетельствуют не только о нарушении важнейшего конституционного принципа о равенстве всех перед законом и судом, но и о невозможности обеспечения одной из целей уголовного наказания – восстановления социальной справедливости.

Другой целью уголовного наказания, применяемого судом, является недопущение совершения осужденными новых преступлений (частная превенция), а также предупреждение других лиц от совершения преступления (общая превенция). Поэтому действующий УПК РФ относит факторы, способствующие совершению преступления, к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, а ч. 4 ст. 29 УПК РФ предоставляет суду право вынести частное определение или постановление, обратив в нем внимание на данные обстоятельства и на факты нарушений, требующих принятия необходимых мер. Но, как показывает анализ судебной практики, в последние два десятилетия суды редко пользуются этим правом.

Известно, что ранее, в советский период, предупредительной деятельности судов придавалось весомое значение. Перед судами ставилась задача выяснения при осуществлении правосудия причины условия совершения конкретных правонарушений и преступлений, учитывалось число вынесенных судьями частных определений, обобщалась судебная практика, проводились открытые судебные процессы и выездные заседания. Праворазъяснительная работа проводилась судьями на приеме населения и в ходе отчетных собраний. Судьи неоднократно выступали в региональной печати, рассказывая о своей деятельности.

В результате судебной реформы суды стали органами судебной власти, выполняющими лишь одну функцию: осуществление правосудия по конкретным делам. От обязанностей по проведению правовоспитательной работы суды освобождены. Однако, став органом власти, судебная система не только отказалась от непосредственного осуществления правовоспитательной деятельности, но и в значительной мере утратила свое криминологическое значение, минимизировав это направление своего функционирования [10].

В настоящее время суды очень мало выносят частные определения. В статистической отчетности о деятельности судов количество и качество вынесенных частных определений и постановлений не отражается, поэтому суды не

заинтересованы в дополнительной работе по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, выявлению мер по их предупреждению.

Суммируя вышеизложенное, приходим к выводу о том, что судебная система может

стать эффективным рычагом борьбы с коррупцией только в случае совершенствования законодательства о коррупционных преступлениях, практики его применения и совокупности мер предупреждения указанных преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латухина К. Откаты с индексацией // Российская газета. 2013. 31 октября.
2. [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcom.ru/news/item/886773>
3. Гаджиев Д.М. 15 лет Конституции РФ: проблемы теории и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. – Махачкала. 2008. С. 371.
4. Астанин В.В. Практика реагирования судебных органов на организованную коррупцию и в сфере их деятельности. // Уголовное судопроизводство. 2006. № 2.
5. Астанин В.В. Современная практика назначения уголовных наказаний за коррупционные преступления в России // Российская юстиция. 2011. № 7.
6. Журавлев М.К. К вопросу о назначении наказания за коррупционные преступления // Уголовное право. 2013. № 5.
7. Давать опаснее, чем брать // Российская газета. 2010. 17 февраля.
8. Куликов А.Д. Коррупция: экономические и организационно-правовые проблемы // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: сб. мат. – М., 2001. С. 57–60.
9. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы / Отв. ред. д. ю. н., проф. С.А. Авакьян. – М., 2016. С. 199.
10. Коррупция: природа, проявления, противодействия / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2015. С. 289.

ON THE PLACE AND ROLE OF COURTS OF GENERAL JURISDICTION IN THE MECHANISM OF THE FIGHT AGAINST CORRUPTION

A.M. Tsaliev

Dr, professor, President of the Constitutional Court of the Republic of North Ossetia-Alania, Honored Jurist of the Russian Federation, member of the Presidium of the Council of Judges (Phone (8672) 53-5832).

Abstract. *The article examines the role of general jurisdiction courts in corruption crimes prevention. Unreasonable liberalization of criminal law is criticized and the practice of its application in punishment for corruption crimes.*

Keywords: *courts of general jurisdiction, punishments, corruption crimes, humanization of criminal law, private definition.*

REFERENCES

1. Latukhina K. Otkaty s indeksatsiyey // Rossiyskaya gazeta. 2013. 31 oktyabrya.
2. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://sledcom.ru/news/item/886773>
3. Gadzhiev D.M. 15 let Konstitutsii RF: problemy teorii i praktiki. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ch. 2. – Makhachkala. 2008. S. 371.
4. Astanin V.V. Praktika reagirovaniya sudebnykh organov na organizovannuyu korruptsiyu i v sfere ikh deyatel'nosti. // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2006. № 2.
5. Astanin V.V. Sovremennaya praktika naznacheniya ugovolnykh nakazaniy za korruptsionnye prestupleniya v Rossii // Rossiyskaya yustitsiya. 2011. № 7.
6. Zhuravlev M.K. K voprosu o naznachenii nakazaniya za korruptsionnye prestupleniya // Ugolovnoe pravo. 2013. № 5.
7. Davat' opasnee, chem brat' // Rossiyskaya gazeta. 2010. 17 fevralya.
8. Kulikov A.D. Korruptsiya: ekonomicheskie i organizatsionno-pravovye problemy // Korruptsiya: politicheskie, ekonomicheskie, organizatsionnye i pravovye problemy: sb. mat. – M., 2001. S. 57–60.
9. Protivodeystvie korruptsii: konstitutsionno-pravovye podkhody / Otv. red. d. yu. n., prof. S.A. Avak'yan. – M., 2016. S. 199.
10. Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystviya / Pod red. T.Ya. Khabrievoy. – M., 2015. S. 289.

